

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

М.С. ФАБРИКАНТ

Возможности и последствия националистического поворота: какое будущее станет новым прошлым?*

В статье приведен анализ современной динамики национализма как политической идеологии и феномена массового сознания. Отмечается, что, вопреки ожиданиям теоретиков, глобализация и модернизация не привели к постепенному исчезновению национализма. Обосновывается тезис о том, что за наблюдаемым в настоящее время обострением националистической проблематики в мировой повестке дня стоит не общий рост национализма, а его качественное изменение: из средства объединения “воображаемых” сообществ национализм превращается в способ самовыражения индивидуальных и наднациональных идентичностей. Отдельно рассматриваются возможности и последствия нового вида национализма в современной России.

Ключевые слова: национализм, постнационализм, глобализация, модернизация, национальная идентичность, антinationализм, инструментализм.

Куда исчезло исчезновение национализма?

Исчезновение национализма еще пару десятилетий назад представлялось самым очевидным и наиболее скорым последствием глобализации. Предполагалось, что растущая взаимозависимость между странами, открытость глобальным информационным потокам из любой точки мира и общее изменение мировой повестки дня приведут к унификации стилей жизни, стиранию межнациональных различий и актуализации альтернативных уровней социальной организации – локальных, региональных, транснациональных, глобальных. Будущее, как ожидалось, должно было принадлежать не гражданам национальных государств, а носителям гибридных идентичностей, занятым решением глобальных проблем (см. [Friedman 1995; Kraidy 1995; Cox 1997]).

Интересно, что эти ожидания разделяли как противники, так и сторонники национализма. Для первых идея скорого исчезновения национализма отлично вписывалась в логику национализма как временного продукта ранней модернизации. Сами же националисты, напротив, считали нации не столько продуктом, сколько субъектами истории. Тем не менее в начале глобализации идеологи национализма, аналогично другим

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ).

Фабрикант Маргарита Сауловна – научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований массового сознания Экспертного института НИУ ВШЭ. Адрес: Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000. E-mail: mfabrykant@hse.ru.

неотрадиционалистам, вдруг перестали видеть в “национальном духе” объективную неизбежность, которую достаточно лишь пробудить, чтобы вызвать к жизни источник всепобеждающей силы. Вместо этого национальная идентичность неожиданно предстает как морально правильная, но не объективно истинная идея, легко подверженная искажению и подавлению, которую, как выяснили для себя националисты, необходимо не столько пробуждать, сколько активно защищать и поддерживать в неизменном виде [Ferguson 1992]. Таким образом, на старте современной глобализации националисты и антинационалисты не только понимали национализм одинаково – как исторически преходящее явление, – расходясь лишь в оценках, но и предлагали общий прогноз: национализм уйдет в прошлое.

Сейчас, когда глобализация перестала быть новостью, все больше фактов указывают на то, что этот прогноз был ошибочным. Национализм в очередной раз продемонстрировал свою гибкость, на сей раз – способность приспосабливаться не только к различным идеологическим позициям, но и к новой, глобальной, повестке дня [Saul 2004; Naim 2009]. Причина ошибки – не только в недооценке адаптивности национализма, но и в характерной для многих социальных ученых переоценке детерминированности мира и рациональности социальных акторов. Как показала история последних десятилетий, проблемы наднационального уровня вполне могут мыслиться в старых категориях национальных государств, национальных идентичностей и национальных интересов. Необходимость новых, ненационалистических способов понимания новых проблем для их решения совсем не обязательно означает, что эти способы появятся. Вместо этого проблемы вполне могут оставаться нерешенными, а противоречия между новыми глобальными вызовами и старым националистическим мышлением способны актуализировать националистическую проблематику в массовом сознании.

В результате несоответствие национализма реалиям глобализации только способствует популяризации националистического видения мира и его распространению на новые сферы. Так, успехи движения за политическую корректность привели во многих странах, в том числе в России, к тому, что в новых антиэмигрантских движениях вместо прежней ксенофобии на первый план выступает национализм. В центре обсуждения оказываются не иммигранты и их особенности, а идентичность нации в целом. Это закономерно приводит к тому, что обсуждение проблемы мигрантов сливается с другими, не имеющими отношения к проблемам страны. На выходе вместо прояснения позиции по вопросу мигрантов происходит смешение мнений по различным вопросам в общие идеологические наборы и, как следствие, поляризация общества. Язык национализма и националистическое мышление позволяют обозначить предмет разногласий именно потому, что обеспечивают взаимопонимание между носителями различных и все более резко противостоящих друг другу позиций.

Новая волна национализма необычным образом продолжает логику изменений, которая была обозначена Э. Хобсбаумом – одним из наиболее авторитетных историков национализма. Будучи убежденным модернистом и марксистом, он отмечает важное изменение в европейском национализме середины XIX в. Первоначальный национализм, берущий свое начало с времен Великой французской революции, был, говоря на политически ангажированном языке, прогрессивным. Националисты первой волны отстаивали в Западной Европе права непривилегированных социальных слоев против аристократии “старого режима”, а в Центральной и Восточной Европе – права малых этнических групп против имперских центров. Националистическая мечта рисовала эгалитаристскую картину равенства всех граждан национального государства внутри страны и равенства всех наций в гармоничной “семье народов”. Этот первоначальный вариант национализма ушел с повестки дня из-за краха оптимистических надежд на скорые изменения после поражения “весны народов” в 1848 г. Премодерные националистические силы, напротив, сделали из этого события вывод о реальной угрозе их дальнейшему доминированию, связали его с утратой в массовом сознании веры в старый династический принцип легитимности власти и обратились к национализму как новому средству легитимации. Возникший таким образом новый консервативный

национализм просуществовал значительно дольше первой, прогрессистской, версии. Именно он был импортирован в XX в. неевропейскими странами и именно он, по мнению Хобсбаума, должен исчезнуть благодаря глобализации [Hobsbawm 2012].

Тем интереснее наблюдать, что на самом деле консервативный национализм не только не ушел, но и распространился с правоконсервативной на левую часть политического спектра. Так, умеренные европейские левоцентристы регулярно отстаивают свою позицию не посредством универсалистской аргументации, а на языке идентичности, говоря о “скандинавской модели”, “французском исключении” и “европейском пути” в противовес американскому “ковбойскому капитализму”. Лидер крайне левой партии “Сириза” в Греции использует риторику крайне правых, обосновывая нежелание выполнять долговые обязательства страны окончанием “пяти лет унижения” [Bounias 2015]. При этом использование националистической риторики все большей частью политического спектра означает, что национализм становится более универсальным, однако при этом не обязательно подразумевает, что национализм становится распространеннее или интенсивнее. Напротив, данные Всемирного исследования ценностей показывают, что за период, для которого Хобсбаум спрогнозировал постепенное угасание национализма, общий уровень националистических убеждений остался на прежнем уровне не только в общемировом масштабе, но и в большинстве стран [Фабрикант 2013, с. 145]. Впечатление очередного всплеска национализма возникает на этом фоне относительной стабильности, вероятно, из-за того, что националистический способ понимания и обсуждения многих актуальных вопросов оказывается все востребованнее.

Одной из причин растущей востребованности националистического дискурса представляется ограниченность возможных альтернативных способов обсуждения как проблем, так и повседневности глобального мира [Kymlicka 2012]. Если устойчивость национализма была недооценена, то надежды на новые модели объяснения и одновременно построения нового глобального миропорядка оказались неоправданно завышенными. Мультикультурализм как идея равноценности всех этнонациональных культур и безусловно положительной роли культурного многообразия отходит на второй план не только вследствие атаки со стороны консервативных националистов и шовинистов и даже не из-за неспособности политиков-мультикультуралистов решать конкретные проблемы (столь же правомерно утверждать, что националисты также создали больше проблем, чем решили). Основное внутреннее ограничение мультикультурализма заключается в его вынужденной рефлексивности и нормативности. Идея мирного сосуществования и всеобщей толерантности к различиям настолько далека от реального положения вещей, что мультикультурализм не смог сформировать свой аналог “банального национализма” – повседневного, нерефлексивного и всепроникающего “наивного” видения мира.

Из-за односторонней нормативности мультикультурализма в современной социологии обсуждаются два других варианта альтернативы национализму. Один из них – **космополитизм** отличается от мультикультурализма тем, что предполагает уход от национализма не через акцентирование равной ценности всех культур, а через дистанцирование от межкультурного многообразия как такового и обесценивание национально-культурных особенностей по сравнению с индивидуальными возможностями личности в глобализирующемся мире. Наиболее очевидные трудности здесь возникают прежде всего при переходе к макросоциальному уровню анализа. Космополитизм предлагает возможную позицию для личности в новых условиях, однако ничего не говорит и не может сказать о возможных действиях правительств национальных государств в условиях растущей взаимозависимости между странами и внутренней гетерогенизации населения. Вместе с тем просматривается более глубокая проблема: в отличие от мультикультурализма, космополитизм возник примерно за полтора тысячелетия до национализма. Насколько рациональным ответом на якобы уходящий в прошлое национализм может стать уход в более далекое, донационалистическое, прошлое? Пока ответы на эти вопросы не найдены, современный космополитизм образует

не столько альтернативную позицию, сколько простое отрицание национализма без сопоставимой альтернативы.

Другая замена мультикультурализму – **постнационализм** – в отличие от космополитизма исходит непосредственно из уникальности настоящего момента. Не разделяя полностью революционного оптимизма Хобсбаума, авторы идеи постнационализма предполагают, что национализм необязательно будет сметен с лица земли глобализацией везде одновременно [Chowdhury 2002; Hansen 2009]. Вместо этого ожидается постепенное угасание национализма через утрату его значимости в тех странах, где националистическая программа – построение независимого национального государства с устойчивой идентичностью – уже реализована. Прототипическим примером постнационализма считается Европейский союз. И одного этого примера достаточно, чтобы прояснить, почему постнационализм так же, как и мультикультурализм и космополитизм, уступает национализму в борьбе за публичный дискурс и массовое сознание. Трудности постнационалистической идеи связаны не с нарастающими проблемами в реализации проекта Единой Европы (национальные государства регулярно испытывают не меньшие трудности), а с тем, что как евроскептики, так и евроэнтузиасты обсуждают трудности постнационалистического проекта преимущественно в националистическом ключе. Внутренний дисбаланс экономики ЕС рассматривается как противоречия между национальными государствами-членами, а политические отклонения от европейского демократического идеала объясняется отсутствием общеевропейских механизмов принуждения соблюдать договоренности [Kornai 2015] – основного атрибута суверенного национального государства по М. Веберу. Нарастание проблем предвосхищается в знаменитом признании одного из архитекторов ЕС Ж. Монне, что “если бы он мог начать заново, то начал бы с культуры” (цит. по [Shore 2006]). Иными словами, необходимым условием европейского единства оказывается не только само наличие культурной идентичности, но и ее активное направленное конструирование. В таком случае неясно, чем постнационалистический проект отличается от нацистроительства.

Проведенный анализ показывает, что объявленное на заре глобализации скорое исчезновение национализма оказалось если не ложным, то преждевременным. Национализм не исчез даже в тех странах, где националистический проект к началу глобализации оказался полностью реализованным. Напротив, в публичном дискурсе националистический способ обсуждения вызывает все большее внимание. Причина тому – не в легендарной иррациональной притягательности национализма, которая якобы заложена в самой человеческой природе, а в слабости и внутренней противоречивости альтернатив, порожденных духом времени. Вместе с тем, на фоне зафиксированной опросами общественного мнения стабильности в уровне национализма просматриваются качественные изменения. Эти изменения могут оказаться более глубокими, чем описанный Хобсбаумом переход от прогрессизма к консерватизму в середине XIX в., поскольку на этот раз изменится не позиция национализма по отношению к другим политическим идеологиям, а его внутренние социальные механизмы воспроизведения и влияния на повседневные практики. Если “присвоение” национализмом консерваторами условно сравнить с апгрейдом ранее созданной националистической “программы” до уровня 1.1, то актуальные изменения больше напоминают формирование новой версии программы национализма – на уровне 2.0.

“Национализм 2.0”: тенденции и развилки

Национализм традиционно определяется большинством исследователей как политическая программа приведения политических государственных границ в соответствие с национально-культурными. Альтернативные, более социологические и социально-психологические подходы противопоставляют осознанным, намеренным действиям националистических движений скрытый, “банальный” национализм как форму организации общества и социального восприятия. При этом в обоих подходах подчерки-

вается, что распространенный в обществе национализм масс, несмотря на объективные предпосылки начала модернизации, возникает как продукт усилий националистов элит, если не прямое отражение транслируемых ими идеологий. Представляется, что за последние несколько лет это соотношение сил меняется. Во-первых, национализм масс становится все более сложным и рефлексивным. Во-вторых, именно он начинает определять спектр позиции национализма элит, а не наоборот, как раньше. В-третьих, современный национализм меньше связан со своей первоначальной программой действий, все больше напоминая компьютерную программу, состоящую из инструкции, сформулированной в категориях конкретных возможных шагов, а не общей цели и языка, которые делают эту инструкцию понятной для тех, кто предположительно могут ей следовать.

Основная причина того, почему национализм вместо исчезновения переживает свое второе рождение, заключается в том, что его наличие не обязательно предполагает существование наций или национальных государств. Действительно, возможность исчезновения национализма как явления исходит из положения, что он не вечен и не отражает нации, а создает их. Теоретики глобализации предполагали неизбежность того, что национализм перестанет существовать, однако, как теперь выясняется, недооценили его влияние и масштаб.

Если национализм возникает раньше наций, из этого логически следует, что данное явление может существовать не только до нации, но и после. Глобализация закономерно ведет к исчезновению если не наций, то, по крайней мере, мира национальных государств в их прежней форме (источником изменений стал рост глобальной взаимозависимости). Глобальные транснациональные системы возникли не только в виде исключения как потенциальные глобальные риски. Правила взаимозависимости сформировались в сферах, имеющих непосредственное влияние на повседневность, – прежде всего в экономике. Эти правила возникли скорее, чем предполагалось, и преимущественно в виде “спонтанного порядка”, чем как результат межгосударственных договоренностей, не говоря уже о наднациональных органах управления. Поэтому хрупкость получившейся системы связана даже не столько с ее дисбалансами, опасность которых не очевидна, сколько с непрозрачностью ее устройства и правил функционирования.

В политической сфере это означает выбор между стремлением сохранять спонтанно установленные правила, надеясь на их постепенное прояснение, и попытками играть на глобальных дисбалансах для решения актуальных проблем, понимаемых в национальных категориях. То есть речь идет об использовании глобальной системы в так называемых национальных интересах. Для повседневных социальных практик последствия возникновения глобальных систем связаны с ростом зависимости от факторов внешней среды, недоступных для влияния по крайней мере при помощи существующих механизмов контроля. Дело не только в скачкообразном росте информационной нагрузки в принятии повседневных решений, но и в диспропорции между сферой индивидуального влияния и индивидуальной ответственности. Эта новая ситуация прямо противоположна относительному равновесию, достигнутому в модели национального государства, где социальные институты мыслятся как отражение “национального характера”, национальных традиций и логики национальной истории.

Поэтому рост глобальной взаимозависимости приводит к невозможности сохранения национального суверенитета в его сложившемся понимании, но одновременно не гасит, а напротив, актуализирует национализм. Как отметил в этой связи американский ученый Э. Гелман, его европейские коллеги в шутку предлагают предоставить им право голоса на выборах президента США, поскольку от их результатов зависит столь многое в их жизни [Gelman, Hill 2006]. Этот пример иллюстрирует, что современная актуализация национализма не носит исключительно консервативно-ностальгический характер. Напротив, помимо прочего, привлекательность национализма может быть вызвана относительно большими, как минимум, более ясными возможностями для индивидуальной свободы и ответственности в национальном государстве. Как ни

странно, эта причина второго рождения национализма имеет два одновременных и противоположных следствия: 1) возвращение первоначальной связи национализма с движением за права и свободы, восходящего к временам Великой французской революции; 2) радикализация крайних ультраконсервативных настроений, вызванных отсутствием механизмов реализации индивидуальных прав и свобод вне рамок национального суверенитета.

Первым, к настоящему времени уже достаточно хорошо изученным и даже в какой-то мере привычным массовым проявлением нового всплеска национализма стал рост популярности крайне правых национал-экстремистских политических партий в самой постнационалистической части мира – Западной Европе. Прежде всего это проявляется в неожиданно высокой степени электоральной поддержки радикальных националистических партий на парламентских выборах в Австрии, Нидерландах, Франции и Швеции. Исследователями и аналитиками отмечался популистский характер позиционирования такого рода партий, отсутствие у них сколько-нибудь реалистичной программы действий. Конкретные предложения, направленные на решение проблем, подменяются артикуляцией самих проблем. При этом большую роль играет намеренно заостренный, лишенный полутонов и деталей стиль формулировок, намеренная эмоциональная насыщенность и ключевая роль харизматичных лидеров.

Несмотря на экстремистский характер таких партий, большинство исследователей склоняются к тому, что периодические всплески их поддержки со стороны населения западноевропейских стран не представляют собой подлинной угрозы. Во-первых, считается, что именно популистская риторика этих партий, которой они обязаны своей популярностью, становится причиной их неспособности переходить от общих фраз лозунгов к конкретным действиям. Пример австрийской Партии свободы Й. Хайдера многими интерпретируется как наглядное тому подтверждение. Во-вторых, рост популярности экстремистской версии национализма можно рассматривать как закономерное временное явление. С одной стороны, происходит радикализация тех, кто в наименьшей степени адаптированы к новой волне модернизации и поэтому чувствуют себя частью проигрывающего по всем фронтам меньшинства. С другой стороны, по мере предполагаемого исчезновения национализма любые версии этой идеологии начинают восприниматься как крайность, из-за чего временно снимается разграничение между условно умеренным и более экстремистским вариантами национализма. Наконец, в-третьих, по мнению ряда аналитиков, голосование за крайне правые партии в Западной Европе представляет собой спонтанное неконтролируемое выражение накопившихся фрустрированных эмоций, ни в коей мере не отражая глубинных мировоззренческих сдвигов. Вместо этого основным мотивом выбора в пользу крайне правых признается так называемое тактическое голосование. Предполагается, что таким образом участники выборов выступают не столько как избиратели, сколько как граждане, и, голосуя за крайне правых, дают умеренным партиям сигнал о необходимости уделить внимание проблемам, обсуждение которых монополизировали экстремисты, и предложить реальные решения. Иными словами, западноевропейские праворадикальные партии, по мнению исследователей, не следует воспринимать чересчур серьезно. Их идеологемы по-настоящему не воспринимают ни электорат, который не ждет от них конкретных действий, ни даже их лидеры и активисты, ориентированные на легкодоступную популярность (см. [Brug van der, Fennema, Tillie 2000; Lubbers, Gijsberts, Scheepers 2002; Ivarsflaten 2008]).

На этом фоне интересным явлением, которое к настоящему времени не только мало изучено, но и не зафиксировано, представляется переход от голосования за крайне правые политические партии к возникновению крайне националистических массовых социальных движений. Уже сам факт появления такого рода движений нарушает установленную логику трансформаций национализма по Хобсбауму. После перехода в середине XIX в. от революционно-романтического “национализма 1.0” к консервативному “национализму 1.1” способ действия националистических сил ограничивается институционализированными формами политического мейнстрима. В эту рамку впи-

связываются парламентские выборы, но не социальные движения, тем более, что, начиная с “мирной революции” 1960-х гг., в странах Запада доминируют так называемые новые социальные движения, направленные на продвижение идей из левой части политического спектра, к которым национализм явно не относится.

Это несоответствие между содержанием и формой новых националистических социальных движений становится еще более знаковым, если рассмотреть их особенности по сравнению с крайне правыми политическими партиями. Так, пример наиболее прототипического немецкого политического движения “Пегиды” (“Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes” – “Патриотические европейцы против исламизации Европы”) демонстрирует прежде всего отсутствие не только харизматических, но и сколько-нибудь выраженных и узнаваемых лидеров. Следовательно, для такого рода социальных движений, в отличие от экстремистских партий, не работает схема репрезентации, когда яркая публичная фигура выражает настроения масс и при этом может выступать их инструментом влияния на других, более умеренных политических акторов. В случае социальных движений вместо репрезентации реализуется прямое участие и вместо активизации уже существующих взглядов и накопившихся противоречий происходят попытки влияния на общественное мнение с целью формирования или, по меньшей мере, кристаллизации новых согласованных позиций.

Еще одно значимое отличие новых националистических социальных движений от крайне правых политических партий и даже от их ранних идеологов (публицистов наподобие Т. Саррачина и А. Фаллачи) – это подчеркнутая умеренность заявляемых позиций. Активисты таких движений не стремятся завоевать дешевую популярность, обостряя формулировки своих взглядов вплоть до провокационных. В этом смысле крайне показательно название упомянутой “Пегиды”. В нем вместо отсылки к идее нации, как, скажем, в названии французской правоэкстремистской партии “Национальный фронт”, фигурирует слово “патриотизм”, которое обычно используется для обозначения “хорошего”, социально одобряемого и умеренного национализма. Кроме того, примечательно отсутствие традиционного для правоэкстремистских политических партий евроскептицизма и противопоставления национального суверенитета предполагаемым посягательствам на него со стороны Брюсселя. Вместо этой позиции в самоназвании “Пегиды” фигурирует актуализация европейской идентичности особого рода. С одной стороны, самопрезентация сторонников этого движения как “патриотических европейцев” выглядит явной попыткой снять противопоставление национализма и паневропеизма, которое экстремистские политические партии, напротив, обостряли. С другой стороны, использование архаического названия Европы “*Abendland*” (дословно – “закатная земля”, или “западная земля”) очевидно отсылает к труду О. Шпенглера “Закат Европы”, в котором излагаются экстремистские трактовки национально-культурных различий как непреодолимых и непримиримых [Basarabă, Nistor 2015].

Таким образом, появление новых наднациональных националистических социальных движений, в отличие от прежнего голосования за экстремистские политические партии, не сводится к преходящим феноменам политической тактики, но отражает начало социальных трансформаций – перехода к “национализму 2.0”. Возникает наднационалистический национализм, национализм без наций, ориентированный не столько на существующие институционализированные идентичности национальных государств, сколько на вновь конструируемые “закатные земли” и их конфронтацию с премодерными ненационалистическими движениями вроде панисламизма, которые при этом сами перенимают механизмы и символический язык национализма. Такая гибридизация идентичностей напоминает ранние социологические модели возможностей, которые в глобализирующемся мире предоставляет личностям и сообществам “текущая современность” позднего модерна. Примечательно, что на этом витке модернизации Россия столкнулась с вызовом “национализма 2.0” не позднее западноевропейских стран и с более серьезными и очевидными краткосрочными последствиями.

“Национализм 2.0” в России

В конце XIX в. в одной из исторически первых попыток отстраненного академического понимания национализма Э. Ренан сформулировал основную, по его мнению, причину привлекательности и преобразующей силы национализма. Полемизируя с представителями немецкого романтизма, он утверждал, что источник уникальной исторической роли национализма – не в превосходстве аутентичной этнонациональной культуры над универсалистской рациональностью Просвещения, а в способности национализма объединять (неважно, на каких основаниях) представителей различных социальных групп с различным статусом и различными интересами. Спустя столетие У. Бек обратил внимание на то, что в современной социологии общество по умолчанию мыслится в пределах населения национального государства. Однако ни классическая, ни современная социология не уделила должного внимания оборотной стороне вопроса: национализм способен не только объединять своих сторонников, но и разобщать своих противников и, даже, шире, всех представителей альтернативных, ненационалистических взглядов. Именно это свойство национализма в полной мере проявилось в последние годы в России.

Парадоксальным образом, в отличие от многих иных наций, Россия вступила в XXI в. – предполагаемый век постнационализма – с нерешенным вопросом коллективной идентичности. В отличие от независимых государств, которые сформировались из бывших союзных республик в результате “парада суверенитетов”, российская идентичность не могла строиться через противопоставление бывшей периферии старому союзному центру, поскольку сама же этот центр в себя включала. На фоне очевидного краха ранней советской национальной политики и более позднего форсированного интернационализма прежняя имперская модель полиэтничности также выглядела в мировом масштабе архаичной и непрестижной. Поскольку иного, более адекватного варианта не было предложено, вопрос идентичности на время отступил на второй план на фоне экономических проблем, которые требовали скорейшего решения. Однако впоследствии, как это часто бывает в случае временной отсрочки решения национального вопроса, проблема национальной идентичности, выведенная из временной заморозки, вдруг оказалась в центре общественной дискуссии. На фоне нового официального курса и связанных с ним макроэкономических последствий единственной реальной альтернативой имперскости стала рассматриваться программа преобразования России в классическое национальное государство. Поскольку ныне очевидно, что не бывает нациестроительства без национализма и, более того, что национализм в своем возникновении обычно опережает нации, резко актуализировался вопрос о возможности легитимации той или иной версии националистической идеологии. Кроме того, особенно в более прагматической краткосрочной перспективе, вопрос о национальной идентичности накладывается на осуждение возможности использования национализма как ресурса общественной мобилизации и завоевания массовой популярности (см. подробнее [Яницкий 2012; Fabrikant 2013; Паун 2004; Laruelle 2014; Kolsjø 2014]).

Слияние этих двух вопросов раскололо сторонников ненационалистических идеологий, включая различные версии либерализма, на две группы, которые я предлагаю условно назвать **антинационалистами** и **инструменталистами**. Антинационалисты выступают жестко против использования каких-либо ресурсов национализма, поскольку считают националистическую идеологию, во-первых, ложной, во-вторых, изначально, по своей сути аморальной, в-третьих, потенциально опасной, готовой в любой момент вырваться из-под контроля. По мнению антинационалистов, дальнейшая актуализация националистической повестки дня лишь создает дымовую завесу, отвлекая от реальных, а не популистских вопросов экономических и институциональных преобразований.

Инструменталисты, напротив, считают, что национализм как ресурс массовой мобилизации можно и нужно использовать, чтобы укрепить позиции тех, кто будет руководить проведением экономических и институциональных преобразований. На-

ционализм мыслится вовсе не как джинн, которого опасно выпускать из бутылки, а как понятный и сравнительно простой в использовании инструмент воздействия на общественное мнение, не имеющий сколько-нибудь реалистичных доступных альтернатив. При этом, в отличие от антинационалистов, которые последовательно отказываются как от сотрудничества с националистическими силами, так и от соперничества с ними на их собственном идеологическом поле, инструменталисты подчас принимают националистические позиции в текстах, ориентированных на серьезную аналитику и явно предназначенных для внутреннего пользования.

На мой взгляд, эта непоследовательность имеет своей причиной не печально известную в литературе отвлеченную мистическую притягательность националистических идей, а вполне конкретный факт нерешенности вопроса национальной идентичности в современном российском обществе и его значимости, в том числе для самих инструменталистов. Основное противоречие в их программе – именно это неизбежное в настоящих условиях наложение вопросов о националистической манипуляции массовым сознанием и решении вопроса идентичности в социальных реалиях, недоступных и не сводимых к простой манипуляции. Само по себе использование национализма в инструментальных целях, в отвлеченном виде и без призыва к конкретным действиям, не более и не менее аморально, чем любая другая разновидность популизма, равно как и не всегда гарантирует безусловное конкурентное преимущество в столкновении с другими, ненационалистическими популистскими программами. Однако национализм явно не может использоваться локально как простой и подконтрольный инструмент, не вызвав долгосрочных последствий в конкретных исторических условиях обострения вопроса национальной идентичности, которое было вызвано отнюдь не инструменталистами.

Та же причина – обострение проблемы идентичности – вскрывает ограниченность программы антинационалистов, при всей ее последовательности и логической непротиворечивости. В мире наций никакой национальный вопрос, в отличие от вариантов ответа на него, нельзя считать надуманным. Здесь в полной мере действует знаменитая теорема Л. Томаса: ситуация, определяемая как реальная, становится таковой по своим последствиям. Именно поэтому признание реальных последствий убеждений кого-либо не обязательно означает солидаризацию с ними. Применительно к академическим исследованиям национализма это положение относительно легко реализуется как веберовская программа ценностной нейтральности через постоянное критическое самодистанцирование. Но принятие решений по вопросу российской идентичности требует создания новых ценностей, что столь же мало совместимо с чисто теоретическим самодистанцированием, как и прагматическим инструментальным использованием национализма для решения текущих конъюнктурных задач.

Поэтому для антинационалистов вопрос об идентичности реален, но для него не подходит ни одно из двух предлагаемых в настоящее время решений. Имперская идентичность неприменима не только потому, что она в целом негативно оценивается применительно к историческому прошлому. Причина еще и в том, что современная социальная реальность несовместима не только с историческим наследием Российской империи, но и с любой империей как премодерной конструкцией (если только не называть имперской любую экспансионистскую внешнюю политику, что явно терминологически некорректно). По той же причине – нереалистичности анахронизмов – попытка проведения в жизнь в эпоху позднего модерна ранненационалистической программы демократического “национализма 1.1” опасна даже не вырождением в антилиберальный ксенофобный “национализм 1.2”, а распадом изначального замысла при столкновении с реальностью и усилении общего диффузного чувства спутанности, непрозрачности и неправильности происходящего.

Как ни парадоксально, по текущей специфике вопроса идентичности Россия находится ближе всего не к восточноевропейским национальным государствам с их почти прототипическим воспроизведением реализованного националистического идеала и не к постимперским, полиэтническим модернизирующимся государствам наподобие

Индии или Китая, а к западноевропейской части Европейского союза (чего не скажешь о вопросах экономических, политических, институциональных, ценностных). И тут и там – современном российском и современном европейском – необходимости нахождения социально разделяемой идентичности в постнациональном контексте обостряется на фоне противоречия между высокими идеалами и ожиданиями и проблематичным реальным состоянием экономики и функционированием институтов. В обеих ситуациях “национализм 2.0” и связанные с ним новые возможности актуализируются раньше, чем в других регионах. Напомню, речь идет о возможности конструирования идентичностей по образцу национальных, но без нацистроительства, то есть – о возможности объединения без централизованной унификации, а в идеале – объединения вокруг изначально не националистического общего исторического опыта экономических и институциональных преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Паин Э. (2004) Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое изд-во.
- Фабрикант М.С. (2013) Национализм в современном мире: сравнительное межстрановое исследование // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 141–153.
- Яницкий О.Н. (2012) Митинги повсюду: реабилитация гражданского активизма в России // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 58–68.
- Basarabă A.C., Nistor M.M. (2015) Constructing the Migration-(In) Security Nexus. Aspects of Urban Geopolitics // *Procedia-social and Behavioral Sciences*, May 14. Vol. 183, pp. 115–121.
- Bounias D. (2015) Greece May Be about to Elect Europe’s First Left-Wing Government // *Nation*, January 21, no. 6, pp. 18–20 (<http://www.thenation.com/article/syriza-rising/>).
- Brug W. van der, Fennema M., Tillie J. (2000). Anti-immigrant Parties in Europe: Ideological or Protest Vote? // *European Journal of Political Research*, no. 1, pp. 77–102.
- Chowdhury K. (2002) It’s All within Your Reach: Globalization and the Ideologies of Postnationalism and Hybridity // *Cultural Logic*, no. 5 (<http://clogic.eserver.org/2002/Chowdhury.html>).
- Cox K.R. (1997) *Spaces of Globalization: Reasserting the Power of the Local*. London–New York: Guilford Press.
- Fabrikant M. (2013) Clash of Ideologies? The Nationalist Challenge to Contemporary Russian Liberalism // *The Ideology and Politics Journal*, no. 4, pp. 61–77.
- Ferguson M. (1992) The Mythology about Globalization // *European Journal of Communication*, no. 1, pp. 69–93.
- Friedman J. (1995) *Global System, Globalization and the Parameters of Modernity // Global Modernities*. London: Sage, pp. 69–90.
- Gelman A., Hill J. (2006) *Data Analysis Using Regression and Multilevel/Hierarchical Models*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Hansen R. (2009) The Poverty of Postnationalism: Citizenship, Immigration and the New Europe // *Theory and society*, no. 1, pp. 1–24.
- Hobsbawm E.J. (2012) *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Ivarsflaten E. (2008) What Unites Right-wing Populists in Western Europe? Re-examining Grievance Mobilization Models in Seven Successful Cases // *Comparative Political Studies*, no. 1, pp. 3–23.
- Kolstø P. (2014) Russia’s Nationalists Flirt with Democracy // *Journal of Democracy*, no. 3, pp. 120–134.
- Kornai J. (2015) Hungary’s U-Turn // *Capitalism and Society*, no. 2, 10 (<http://capitalism.columbia.edu/journal/10/2>).
- Kraidy M. (2005) *Hybridity or the Cultural Logic of Globalization*. Philadelphia: Temple Univ. Press.
- Kymlicka W. (2012) Multiculturalism: Success, Failure, and the Future // *Transatlantic Council on Migration, Migration Policy Institute* (http://www.upf.edu/dcpis/_pdf/2011-2012/forum/kymlicka.pdf).
- Laruelle M. (2014) Alexei Navalny and Challenges in Reconciling “Nationalism” and “Liberalism” // *Post-Soviet Affairs*, no. 4, pp. 276–297.

Lubbers M., Gijsberts M., Scheepers P. (2002) Extreme Right-wing Voting in Western Europe // European Journal of Political Research, no. 41, pp. 345–378.

Naim M. (2009) Think Again: Globalization // Foreign Policy, no. 16 (<http://www.unc.edu/world/2009Residential/Think%20Again.pdf>).

Saul J.R. (2004) The Collapse of Globalism: and the Rebirth of Nationalism // Harpers Magazine, March, pp. 33–44.

Shore C. (2006) 'In Uno Plures' (?) EU Cultural Policy and the Governance of Europe // Cultural Analysis, no. 5, pp.7–26 (http://socrates.berkeley.edu/~caforum/volume5/vol5_article1.html).

Opportunities and Consequences of Nationalist Choice: Which Past Will Become the New Future?

M. FABRIKANT*

* **Fabrikant Margaret** – research assistant, Laboratory for Comparative Studies of Mass Consciousness, expert Institute, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: mfabrikant@hse.ru.

Abstract

The article features the analysis of the current dynamics of nationalism as a political ideology and a part of mass consciousness. It states that, contrary to theoreticians' expectations, globalization and modernization did not lead to gradual disappearance of nationalism. Instead nationalist set of issues and nationalist rhetoric cease to belong solely to the conservative part of the political spectrum and get engaged by representatives of different ideologies, even when a subject of debate is not related to the national issue. The author argues that the present emphasis on the nationalist issue in the global agenda implies not the total growth on nationalism, but its substantive change. Nationalism transforms from a means of uniting “imagined communities” to a means of self-expression of individual and supranational identities. The article specifically regards opportunities and consequences of the new kind of nationalism in the contemporary Russia amidst controversies between proponents and opponents of the instrumental use of nationalism for mass mobilization.

Keywords: nationalism, postnationalism, globalization, modernization, national identity, anti-nationalism, instrumentalism.

REFERENCES

Basarabă A.C., Nistor M.M. (2015) Constructing the Migration-(In) Security Nexus. Aspects of Urban Geopolitics, *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, May 14, vol. 183, pp. 115–121.

Bounias D. (2015) Greece May Be about to Elect Europe's First Left-wing Government. *Nation*, January 21, no. 6, pp. 18–20 (<http://www.thenation.com/article/syriza-rising/>).

Brug W. van der, Fennema M., Tillie J. (2000) Anti-immigrant Parties in Europe: Ideological or Protest Vote? *European Journal of Political Research*, no. 37, pp. 77–102.

Chowdhury K. (2002) It's All within Your Reach: Globalization and the Ideologies of Postnationalism and Hybridity. *Cultural Logic*, no. 5 (<http://clogic.eserver.org/2002/Chowdhury.html>).

Cox K.R. (1997) *Spaces of Globalization: Reasserting the Power of the Local*. London–New York: Guilford Press.

Fabrikant M.S. (2013) Nacionalizm v sovremennom mire: sravnitel'noe mezhranovoe issledovanie [Nationalism in contemporary world; comparative cross-cultural research]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 141–153.

Fabrikant M. (2013) Clash of Ideologies? The Nationalist Challenge to Contemporary Russian Liberalism. *The Ideology and Politics Journal*, no. 2, pp. 61–77.

- Ferguson M. (1992) The Mythology about Globalization. *European journal of Communication*, no 1, pp. 69–93.
- Friedman J. (1995) Global System, Globalization and the Parameters of Modernity. *Global Modernities*. London: Sage, pp. 69–90.
- Gelman A., Hill J. (2006) *Data Analysis Using Regression and Multilevel/Hierarchical Models*. Cambridge: Cambridge Univer. Press.
- Hansen R. (2009) The Poverty of Postnationalism: Citizenship, Immigration and the New Europe. *Theory and Society*, no. 1, pp. 1–24.
- Hobsbawm E. (2012) *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Ivarsflaten E. (2008) What Unites Right-wing Populists in Western Europe? Re-examining Grievance Mobilization Models in Seven Successful Cases. *Comparative Political Studies*, no. 1, pp. 3–23.
- Janickij O.N. (2012) Mitingi povsjudu: rehabilitacija grazhdanskogo aktivizma v Rossii [Meetings everywhere: rehabilitation of civic activism in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 58–68.
- Kolstø P. (2014) Russia's Nationalists Flirt with Democracy. *Journal of Democracy*, no. 3, pp. 120–134.
- Kornai J. (2015) Hungary's U-Turn. *Capitalism and Society*, no. 2, 10 (<http://capitalism.columbia.edu/journal/10/2>).
- Kraidy M. (2005) *Hybridity or the Cultural Logic of Globalization*. Philadelphia: Temple Univ. Press.
- Kymlicka W. (2012) *Multiculturalism: Success, Failure, and the Future*. Transatlantic Council on Migration, Migration Policy Institute (http://www.upf.edu/dcpis/_pdf/2011-2012/forum/kymlicka.pdf).
- Laruelle M. (2014) Alexei Navalny and Challenges in Reconciling “Nationalism” and “Liberalism”. *Post-Soviet Affairs*, no. 4, pp. 276–297.
- Lubbers M., Gijsberts M., Scheepers P. (2002) Extreme Right-wing Voting in Western Europe. *European Journal of Political Research*, no. 41, pp. 345–378.
- Naim M. (2009) Think Again: Globalization. *Foreign Policy*, no. 16 (<http://www.unc.edu/world/2009Residential/Think%20Again.pdf>).
- Pain E. (2004) *Mezhdu imperiej i naciej. Modernistskij proekt i ego tradicionalistskaja al'ternativa v nacional'noj politike Rossii* [Between empire and nation. Modernist project and its traditionalist alternative in Russia's national policy]. Moscow: Novoe izd-vo.
- Saul J.R. (2004) The Collapse of Globalism: and the Rebirth of Nationalism. *Harpers Magazine*, March, pp. 33–44.
- Shore C. (2006) ‘In Uno Plures’(?). EU Cultural Policy and the Governance of Europe. *Cultural Analysis*, no. 5 (http://socrates.berkeley.edu/~caforum/volume5/vol5_article1.html).